

ИЗВѢСТІЯ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

ИМПЕРАТОРСКОЙ

АКАДЕМІИ НАУКЪ

1908 г.

ТОМА XIII-го КНИЖКА 2-я.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1908.

ПРОДАЕТСЯ У КОМИССИОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ:

И. И. Глазунова и К. Л. Ринкера въ Санктпетербургѣ; Н. П. Карбасникова въ Санктпетербургѣ, Москвѣ, Варшавѣ и Вильнѣ; Н. Я. Оглоблина въ Санктпетербургѣ и Кіевѣ; М. В. Ключина въ Москвѣ; Н. Киммеля въ Ригѣ; у Фоссъ (Г. В. Зоргенфрей) въ Лейпцигѣ; Лизакъ и Комп. въ Лондонѣ, а также въ Книжномъ складѣ Императорской Академіи Наукъ.

Цѣна этой книжки одинъ рубль пятьдесятъ копеекъ.

Очерки и замѣтки по исторіи древне-русскаго искусства.

II.

О дарахъ русскимъ князьямъ и посламъ въ Византіи.

Въ придворномъ Уставѣ византійскаго двора, въ 15 главѣ второй книги, два раза подробно перечисляются денежныя подношенія княгинѣ Ольгѣ и ея свитѣ. Эти подношенія не совсѣмъ правильно принимаются въ нашей наукѣ за *дары* въ собственномъ смыслѣ слова. Начальная лѣтопись, между тѣмъ, дѣйствительно, говоритъ о многихъ дарахъ, полученныхъ княгиней Ольгой: «и дастъ ей (Царь) дары многы, злато и серебро, паволокы и съсуды разноличныя и отпусти ю» (подъ 955 годомъ Лавр. Л.). Въ первый приемъ княгиня Ольга получила на золотомъ блюдецѣ, украшенномъ драгоценными камнями 500 миліарисіевъ; въ описаніи второго приема не указано, какъ поднесены были ей 200 миліарисіевъ, а говорится, что ей была дана, или выдана эта сумма (εδóθη). Золотое блюдо—существенный предметъ, который можно было бы сопоставить съ «сосудами разноличными» нашей лѣтописи, но такъ какъ лѣтопись описываетъ еще и другіе предметы, то является вопросъ, не есть-ли лѣтописное перечисленіе даровъ преувеличенная легендарная подробность, относящаяся къ числу тѣхъ несомнѣнно легендарныхъ примѣсей, которыя на лицо въ нашихъ лѣтописяхъ.

Соловьевъ склоненъ былъ считать извѣстiя лѣтописей о дарахъ за преувеличенiя, и пришелъ къ такому заключенiю, сопоставивъ лѣтописный перечень даровъ княгинѣ Ольгѣ съ данными Придворнаго Устава церемонiй: «Извѣстiя о подаркахъ Ольгѣ», говоритъ онъ, «очень важны, онѣ могутъ показать намъ, какъ мы должны понимать лѣтописныя извѣстiя, гдѣ говорится о многихъ дарахъ и множествѣ золота, серебра и проч.»¹⁾ Вообще, денежныя суммы, полученныя Ольгой и ея свитой признаны за ничтожныя и даже оскорбительныя для русскаго самолюбiя дары. Карамзинъ замѣчаетъ по этому поводу: «Хотя Государи росiйскiе не могли быть весьма богаты металлами драгоцѣнными, но одна *уचितость* безъ сомнѣнiя заставила великую княгиню Ольгу принять въ даръ 16 червонцевъ»²⁾. Погодинъ *шелъ дальше*, предположивъ, что вольная и гордая княгиня Ольга осталась недовольной константинопольскимъ прiемомъ, оскорбленная ничтожествомъ даровъ, полученныхъ отъ Императора³⁾.

Списки денежныхъ суммъ, полученныхъ Ольгой и ея свитой и внесенные въ Придворный Уставъ, повлiали, такимъ образомъ, на воззрѣнiя историковъ въ томъ смыслѣ, что ими заподозрѣна была правильность лѣтописныхъ свѣдѣнiй о дарахъ, и во вторыхъ, эти списки повлiали даже на освѣщенiе политическихъ сношенiй Руси и Византии, служа какъ бы коррективомъ для нашихъ лѣтописей.

Голубинскiй старался указать на то, что эти *денежныя дары* вовсе не были ничтожны и не должны служить къ умаленiю достоинства Ольги⁴⁾, но въ виду того, что цифры списковъ слишкомъ краснорѣчивы, если признать полученныя Ольгой и ея свитой подношенiя денежныя за дары, этотъ взглядъ, повидимому, не раздѣляется.

1) *Исторiя*, I, 134. Онъ исчисляетъ получки Ольги въ 40 и 20 червонцевъ, ссылаясь на Карамзина, который, однако, говоритъ о 32 и 16 червонцахъ.

2) *Исторiя* Р. Г. I, стр. 102.

3) *Исторiя домонгольскаго иа*, стр. 48.

4) *Исторiя церкви*, I, стр. 88, прим. 5. Онъ исчисляетъ милiарсiей въ 35 к. (Паппаригопуло), или немного болѣе франка (Ск. Византия, *Κωνσταντινούπολις*, III, 267).

Выраженія нашей лѣтописи, посредствомъ которыхъ описываются дары, полученные въ разное время русскими послами и князьями въ Царьградѣ, могутъ считаться почти стереотипными:

«Царь же Леонъ почти послы русскіе (отъ Олега) дарми, златомъ и паволоками и фофудьями.»

Пословъ Владиміра царь Василій и Константинъ «отпустиша съ дары велики и съ честию». Святославу греческій царь посылаетъ дары «злато и паволокъ», а затѣмъ «оружіе».

Если такіе предметы, какъ паволоки, фофудья, сосуды, оружіе не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что дары представляли, именно, вещественные подарки, то злато и серебро отличается неопредѣленностью. Способъ выраженія лѣтописца только отчасти проливаетъ свѣтъ на эти дары златомъ и серебромъ. Такъ, описывая царьградскія золотыя палаты «и суцая въ нихъ богатства», которыя видѣли послы Олега, лѣтописецъ говоритъ, что это было «злато много и паволоки, и каменье драгое, и страсти Господни, и вѣнецъ, и гвозди, и хламида багряная». Ясно, что подъ «златомъ» разумѣются въ данномъ случаѣ не деньги и не монеты, а золотые предметы, такъ какъ золото упоминается на ряду съ предметами убранства—паволоками, каменьемъ драгимъ и наряду съ предметами страстей Господнихъ. Что подъ словомъ «злато» надо подразумѣвать золотыя украшенія показываетъ названіе «златыя полаты», которыя по понятію лѣтописца, совершенно правильному и вѣрному исторически¹⁾, должны были быть украшены золотомъ. Такое-же, не совсемъ опредѣленное значеніе имѣютъ слова «злато и серебро» въ известномъ разсказѣ о серебряныхъ ложкахъ, которыя приказали выковать для своей дружины Владиміръ, говоря: «серебромъ и златомъ не

1) «Златыя полаты», упоминаемыя лѣтописцемъ, повидимому, тѣ самыя «золотыя полаты», которыя посетилъ въ 1200 году Антоній Новгородскій, т. е. знаменитый «Χρυσοστρίλιμος» Юстиніана. О немъ подробно будетъ сказано въ изслѣдованіи о приѣмахъ кн. Ольги въ Царьградѣ.

имамъ налѣзти дружины, а дружиною налѣзу серебро и злато, якоже и дѣдъ мой, и отецъ допскалъ дружиною злата и серебра», (стр. 54). Слова Владиміра могутъ быть поняты въ широкомъ смыслѣ, такъ какъ онъ говоритъ собственно о военной добычѣ и дани, которыя могли состоять какъ изъ предметовъ золотыхъ и серебряныхъ, такъ и изъ монетъ. Что подъ золотомъ часто подразумѣвались предметы показываетъ извѣстное мѣсто въ договорѣ Игоря 945 года: «А некрещеная Русь полагаетъ щиты своя и *мечи наги, обручи свои и прочая оружія*, да кленутся всѣмъ, яже суть на харатыи сей». Описывая, далѣе, самую клятву Руси предъ Перуномъ, лѣтописецъ говоритъ: «Покладоша оружіе свое и щиты, и *золото*, и ходи Игорь ротѣ». Въ договорѣ Святослава объясняется, повидному, и причина, почему они должны были класть на землю золотые обручи. Они кланутся: «да будемъ золоты, яко золото», т. е., слѣдовательно, золото есть предметъ клятвы, какъ и оружіе, и «мечи наги», т. е. обнаженные мечи ¹⁾.

Говоря о дани, которую царь Романъ обѣщалъ Игорю, лѣтописецъ прибавляетъ, что царь послалъ и печенѣгамъ паволоки и злато много, а дружина говоритъ Игорю: «аще глаголетъ царь, то что хотимъ болѣ того, не бывшеса имати злато, и серебро, и паволоки».... «и взя злато, и серебро, и паволоки на вся вой». Это была мирная дань, но золото и серебро добываются и грабежемъ. Олегъ послѣ набѣга и послѣ полученія дани везетъ награбленное и полученное добро: «золото, и паволоки, и овощи, и вина, и всяко узорочье». Игоревы войны также «имѣнья не мало обою страну взяша». Такимъ образомъ ясно, что подъ словомъ «злато и серебро» разумѣются золотыя и серебряныя *денги и предметы* добычи и полученной дани. Такъ часто упоминаемыя паволоки, которыя получаютъ Олегъ и Игорь «на вся вой» позволяютъ предполагать, что лѣтописецъ сохранила ясныя и точныя

1) Ср. у А. В. Лонгинова, о договорахъ, Зап. Одесск. Общ. Ист. и Др., т. XXV, стр. 502.

понятія о практиковавшейся въ Византіи уплатѣ денежной пени, даже жалованья матеріями, по преимуществу шелковыми (объ этомъ см. дальше), вмѣсто монетъ. Отсюда не исключается возможность думать, что подъ златомъ и серебромъ подразумѣваются деньги въ тѣхъ случаяхъ, когда упоминаются рядомъ паволокы, но по преимуществу для дани (а не для военной добычи), какъ въ случаяхъ полученія дани Олегомъ и Игоремъ. Рисовальщикъ миниатюръ Радзивиловскій лѣтописи изображаетъ дары Ольгѣ въ Царьградѣ подъ видомъ сосуда, продолговатыхъ неопредѣленнаго вида предметовъ вродѣ ларцевъ, и что самое любопытное, подъ видомъ чаши, наполненной, повидимому, монетами (Листъ 32). Иногда дары изображаются въ точномъ соотвѣтствіи тексту: поляне даютъ козарамъ *по мечу* отъ дыма (Л. 7 обор.), или бѣлычи шкурки, дѣвицу, при чемъ за предѣлы текста выходитъ поднесеніе сосуда (Л. 8); иногда вмѣсто упоминаемыхъ въ текстѣ черныхъ куніцъ изображены сосуды, какъ въ случаѣ принесенія дани Олегу древлянами (Л. 11 обор.), подобные же сосуды изображены и въ дани Олегу грековъ, при чемъ вмѣсто гривенъ, которыя онъ требовалъ, греки несутъ стаканъ, вазу и большой съ двумя ручками сосудъ. Эти сосуды не упоминаются ни въ дани полученной Олегомъ (еще и паволоки кромѣ денегъ), ни въ его добычѣ.

Съ другой стороны подъ златомъ разумѣтся и вѣсовая единица золота и серебра (литръ серебра и золота и золотникъ) и монеты, какъ въ договорахъ съ греками, т. е. собственно деньги. Это обстоятельство должно быть связано съ тѣмъ, что на древнѣйшихъ русскихъ монетахъ надпись гласитъ: «Владиміръ» или «Ярославъ на столѣ, а се его злато».

Такимъ образомъ, въ понятіе о дарахъ золотомъ и серебромъ входило представленіе какъ о золотыхъ и серебряныхъ предметахъ, такъ и о деньгахъ, въ частности монетахъ. Если къ этимъ вещественнымъ и денежнымъ дарамъ присоединить паволокы, фофуды, то и получатся тѣ «дары велики», «дары многи», о которыхъ говорить лѣтопись, подразумѣвая подъ ними то-же са-

мое, что въ средніе вѣка въ Византіи разумѣлось подъ словами: «δῶρα δαφιλῆ», «δῶρα πολυτελή»¹⁾, т. е. дорогіе и драгоценныя предметы и деньги. Съ этой точки зрѣнія полученныя княгиней Ольгой и ея свитой денежныя суммы и одинъ золотой сосудъ, конечно, по справедливости, могутъ казаться ничтожными дарами. Но были-ли это дары?

Дѣло въ томъ, что въ Уставѣ занесены не только два списка денежныя полученія Ольги и ея свиты, но также и два списка саракинскихъ пословъ, при чемъ оба саракинскіе посла получили также по 500 миліарисіевъ, и на такихъ же золотыхъ блюдахъ (ἐν σκουτελλίοις), какъ и княгиня Ольга, а свита ихъ по три миліарисія на душу. Но и эти списки не единственные въ Уставѣ. О нихъ говорится много разъ, и наиболѣе ясно въ главѣ о приемѣ и отпускѣ италіянскихъ пословъ. Здѣсь сказано²⁾:

«Когда Императоръ желаетъ отпустить пословъ (Италіи), то магистръ заранѣе долженъ составить съ вѣдома императора списокъ (γνώσιν), что долженъ получить каждый изъ нихъ и что получаетъ каждый изъ ихъ людей, и передать этотъ списокъ комиту ларгиціоновъ (τι ἕκαστος ὀφείλη λαβεῖν καὶ πάντων τῶν ἀνδρώπων τι ἕκαστος λαμβάνει). И когда этотъ (списокъ) будетъ готовъ, то Императоръ даетъ аудіенцію, и все остальное происходитъ, какъ во время пріемовъ, и входятъ послы. . . , и по приказанію Императора вводитъ декуріонъ ихъ людей. . . . , возглашаютъ имена (людей) и даетъ императоръ каждому его плату (ρόγαν), рогу. И когда люди выйдутъ, тогда и посламъ Императоръ даетъ столько, сколько приказано приготовить по уговору съ ними (εἰς λόγον αὐτῶν)»³⁾.

Въ этомъ текстѣ особенно важными являются выраженія: «сколько кто изъ пословъ долженъ получить и сколько получаетъ

1) Такъ выражается о дарахъ Даниелы Теофанъ. *Theophanes contin.*, р. 317—18.

2) Эта глава можетъ считаться какъ бы образцовой для формальностей составленія подобныхъ списковъ и выдачи по нимъ денегъ.

3) De serim. I, 397—8.

каждый изъ ихъ людей», наряду съ выраженіемъ, «по ихъ слову» (εις λόγον αὐτῶν). Ясно, что послы и люди ихъ указываютъ магистру цифру должнаго полученія, а Императоръ только разрѣшаетъ выдачу и выдаетъ получку. Эта получка представляется не единовременнымъ даромъ, а платой «рога», (ρόγα), сколько кто *получаетъ*, сколько кто *долженъ получить*. Количество этой платы въ Уставѣ не указывается, такъ какъ оно обуславливалось договорными статьями, различными, надо думать, въ разное время. Изъ главы 56 второй книги Устава слѣдуетъ также, что списокъ (γνώσις) составлялся акростихомъ (ἀκρόστιχον τῆς ρόγας), т. е., повидимому, въ отдѣльности для каждаго лица или же лицъ извѣстнаго ранга, что самая «рога» устанавливалась за службу каждаго (πρὸς τὴν δουλείαν αὐτοῦ I, 807). Было два рода «роги», одна воинская, другая чиновъ двора или комитовъ. Обѣ представляли ежегодную плату подъ видомъ подарка или царской милости, и потому отличались отъ обычнаго жалованья чиновъ двора, которое было постояннымъ и называлось συνήθεια (consuetudo I, 459). Другая «рога», шедшая на содержаніе арміи и флота, занесена въ Уставъ въ такихъ подробныхъ спискахъ ассигновокъ, которыми не оставляютъ сомнѣній въ томъ, что «рога» была, именно, плата за службу стратигамъ, солдатамъ и матросамъ въ военное время, именно, во время Критскаго похода. Эти списки, или γνώσεις, Императора Льва представляютъ подробныя и точныя указанія цифръ съ исчисленіемъ суммъ итога. Въ одномъ изъ этихъ списковъ, между прочимъ сказано: «Русскихъ 700; рога одинъ кентенарій. Всему флоту съ русскими рога кентенаріевъ 17, литровъ 59, нумисмъ 42» (De serim. I, 654). Рога, говоритъ Райске, выдавалась обыкновенно золотомъ, а когда не было золота, то замѣнялась шелковыми одеждами²⁾. Бывала «рога» и единовременная, въ отличіе

1) Д. Θ. Бѣляевъ, Byzantina I, 2470 о жалованьѣ папіи, прим. 1.

2) См. также у А. В. Лонгинова, о. с. 472—о цѣнѣ въ двѣ паволоки за бѣжавшаго челядина.

отъ постоянной, стоявшей въ зависимости отъ продолжительности военной службы.

Изъ этихъ поясненій слѣдуетъ, что итальянскіе послы получали «рогу», т. е. плату при отпускѣ по уговору, а не дары, но получали ее подъ видомъ царской милости, въ особой специальной аудіенціи отъ самого Императора. Что эта плата не представляла даровъ видно изъ показаній о дарахъ того же Устава. Дары въ Уставѣ называются «ξένια» и «δώρα». Ихъ привозили послы иностранныхъ государствъ, и при доставленіи ихъ Императору происходилъ особый пріемъ, одинъ изъ актовъ котораго «συμπλήρωσις τοῦ κατισκίου» (De serim. I, 138; II, 226) состоялъ въ представленіи ихъ Императору самими послами. Дары оцѣнивались, заносились въ особые списки, чтобы въ случаѣ отдариванія Императоръ зналъ, какіе надо послать равносильные отвѣтные дары. Въ числѣ даровъ можно указать не только ткани, сосуды, драгоценные камни, но и лошадей. Кромѣ царскихъ даровъ, послы иногда подносили дары и отъ себя, т. е. личные посольскіе дары самому Императору, но кромѣ того въ сношеніяхъ съ придворными чинами, они обязаны были подносить дары, т. е. дѣлать подарки, и этимъ чиновникамъ¹⁾.

Количество и качество ихъ зависѣло отъ усмотрѣнія подносящаго, что и выражается въ Уставѣ словами: «если имѣеть, если хочеть, что хочеть». Не лишнимъ будетъ упомянуть, что извѣстная владѣтельная особа Пелопоннисса Данелида принесла въ даръ Роману великолѣпные шитые ковры, изготовленные ея женщинами²⁾.

Обращаясь къ спискамъ денежныхъ полученій княгини Ольги и ея свиты, должно прежде всего указать, что эти полученія совершенно не имѣютъ характера даровъ, и въ текстѣ Устава дарами не называются. Въ способѣ выраженія Устава относи-

1) Дары пословъ царю и чиновникамъ описаны въ I, 408—9 Устава.

2) *Theophanes contin.* ed. Bonn. p. 317—18. Также: Грегоровіусъ, Истор. города Аениъ, СПБ. 1900, стр. 66—7 и тамъ приведенная литература.

тельно этихъ полученій лежитъ отчасти и характеристика ихъ. Относительно членовъ мужской свиты сказано, что они получили—«ἐλαβον, а княгинѣ Ольгѣ было выдано или дано, столько то: ἐδόθη τῇ ἀρχοντίσση ἐν χρυσῷ διαλίθῳ σκουτελλίῳ μιλίαρ. φ» (500). Также точно и двумъ саракинскимъ посламъ: «ἐδόθησαν ἐν χρυσοῖς διαλίθοις σκουτελλίοις» по 500 миліарсіевъ каждому. Такія выраженія, какъ δίδωσι συνήθειαν, δίδωσι χρυσοῦ λίτρας ζ'σ¹) и λαμβάνουσι²), въ смыслѣ выдаютъ и получаютъ жалованье, встрѣчаются очень часто и вполнѣ однородны съ выраженіями о выдачѣ и получкѣ жалованья стратигами, войнами, и, какъ указано ранѣе, съ выдачею и получкою «роги» итальянскими послами по заранѣе составленному списку.

Княгиня Ольга была принята при дворѣ Константина Порфиророднаго два раза: 9 сентября и 18 октября. Во второй приемъ денежная выдача была значительно меньше, и въ этомъ надо видѣть одну изъ важнѣйшихъ особенностей списковъ, такъ какъ предполагается, что при прощальномъ приемѣ дары должны были быть болѣе щедрыми. Вотъ оба списка. Я привожу ихъ полностью, такъ какъ до сихъ поръ они приведены цѣликомъ только Шлецеромъ и Геснеромъ³), другіе же историки приводятъ ихъ въ выдержкахъ и не совсѣмъ правильно. Наблюденія надъ нѣкоторыми цифрами въ связи съ крайне важными показаніями договоровъ Руси съ греками, приводятъ къ соображеніямъ, не лишеннымъ историческаго интереса:

Первый приемъ.		Второй приемъ.	
Анепсій Ольги	30	20
8 родственниковъ ея по .	20	опущены или отсутство-	
		вали	
20 пословъ по	12	22 по	12

1) De cerim. I, 803 и др.

2) Ibid. стр. 803. ἀφελουσι λαμβάνειν 668 и 675.

3) Шлецеръ, Несторъ IV, 100 сл.; Gesner, Kleine deutsche Schriften. Göttingen 1756, 168—184.

43 купца по	12	44 по.....	6
Священникъ Григорій ..	8	8
2 переводчика по	12	12
Люди Святослава по. . . .	5	опущены или отсутство-	
		вали	
6 людей пословъ по	3	опущены или отсутство-	
		вали	
переводчикъ Ольги.....	15	опущенъ или отсутство-	
		валъ	
Княгиня Ольга.	500	200
6 родственницъ ея по... .	20	16 по.....	12
18 служанокъ по	8	по	6

Въ этихъ спискахъ особенное вниманіе привлекають цифры получекъ: двухъ переводчиковъ, попа Григорія и пословъ. Оба раза всѣ они получаютъ одну и ту же цифру денегъ. Относительно переводчиковъ и священника Григорія должно сказать, что онѣ могутъ считаться за представителей тѣхъ «мужей царевыхъ», которые получали назначеніе состоять при посольствахъ, и по существу были чиновники византійскаго двора¹⁾. Обязанности этихъ чиновниковъ подробно описаны въ Уставѣ (De serim. I, 396 — 410 т. е. 88 — 90 главахъ) и съ ними мы встрѣтимся еще при изложеніи сношеній Руси и Византіи. «Царевъ мужъ» и «мужъ царства нашего», т. е. греческаго, упоминаемые въ договорѣ Олега въ общихъ чертахъ обозначаютъ подобныхъ чиновниковъ (Лавр. Л. 31, 48). Вслѣдствіе этого можетъ стать понятнымъ и отсутствіе колебанія въ ихъ получкахъ, которыя могли быть простымъ жалованьемъ. При этомъ попъ Григорій могъ быть тѣмъ священникомъ, котораго обязанность заключалась въ совершеніи ежедневной молитвы до и послѣ обѣда, и онъ могъ быть приставленъ для этой

1) Такъ полагалъ уже *Wilken*, *Über die Verhältnisse d. Russen zum byzantinischen Reiche etc.* p. 107.

и иныхъ цѣлей¹⁾ самимъ патріархомъ (Παπάδες τοῦ πατριάρχου) Равнымъ образомъ, получка пословъ, одинаковая въ обоихъ случаяхъ, можетъ быть объяснена также, какъ родъ посольскаго жалованія, о которомъ имѣются подробныя и точныя свѣдѣнія, какъ въ Уставѣ, такъ и въ договорахъ Олега и Игоря съ греками. Но прежде чѣмъ указать на подробности договоровъ, касающіяся статей посольскаго и мѣсячнаго полученія Руси, приходившей въ Царьградъ съ мирными цѣлями, должно обратить вниманіе на то, что въ приведенныхъ спискахъ, полученія второго пріема, всѣ, кромѣ указанныхъ трехъ, уменьшены съ какимъ-то особымъ расчетомъ. Сущность этого расчета можетъ быть опредѣлена лишь въ общихъ чертахъ, такъ какъ нѣкоторыя частности не поддаются объясненіямъ.

Княгиня Ольга, отправляясь въ Царьградъ, должна была руководиться статьями договора Игоря, а также лежащимъ въ основѣ его договоромъ Олега, болѣе раннимъ. По договору Олега 907 года Русь, входящая въ Царьградъ должна была останавливаться близъ церкви св. Маманта. Здѣсь, а можетъ быть и ранѣе, судя по сношеніямъ съ другими народами, имена пословъ и ихъ свиты должны были быть переписаны. Иногда посольства бывали встрѣчаемы на границѣ, и даже ранѣе границы, и перепись совершалась изъ предосторожности заранѣе, при встрѣчѣ, какъ это бывало въ сношеніяхъ съ восточными народами, сарацинами, печенѣгами и проч. Статья договора Олега, устанавливающая необходимость переписи русскихъ посольствъ очень краснорѣчива и непосредственно касается разбираемыхъ списковъ. «и послеть царство наше да испишютъ имена ихъ и тогда возьмутъ мѣсячное свое, первое отъ города Кіева и паки отъ Чернигова и Переяславля и прочіи городи».

Эта статья болѣе подробно и ясно и съ новыми добавленіями редактирована въ договорѣ Игоря:

1) Шкецерь съ правдоподобіемъ считалъ его за путеводителя по Царьграду, приставленнаго къ Ольгѣ, Nestor. IV, 105 сл.

«А великій князь русскій и бояре его да посылають въ грекы къ великимъ царемъ греческимъ корабли, елико хотятъ со слы и съ гостьми, якоже имъ уставлено есть. Ношаху сли печати златы, а гостье серебряни. Нынѣ же увѣдѣль князь вашъ (нашъ) послати грамоту ко царству нашему (вашему) иже посылаеми бывають отъ нихъ слы и гостье, да приносятъ грамоту, пишуче сице: яко послахъ корабль селько. И отъ тѣхъ да увѣмы и мы, яко съ миромъ приходятъ. . . . Аще придуть Русь безъ купли да не взимають мѣсячина. . . . И приходящимъ имъ да витають у церкви св. Мамы, да послеть царство наше и испишють имена ваша, и тогда возьмутъ мѣсячное свое, сли слобное, а гостье мѣсячное, первое отъ города Кіева, паки отъ Чернигова и Переяславля».

Изъ этой статьи договора уже прямо слѣдуетъ, что предувѣдомленіе о посольствѣ на корабляхъ должно было происходить заранѣе посредствомъ особой грамоты. По прибытіи въ Царьградъ и по размѣщеніи въ особомъ кварталѣ у церкви св. Маманта, посольство должно было быть переписано для того, чтобы поступить на полное содержаніе государства съ особымъ жалованіемъ. Здѣсь, слѣдовательно, надо искать первое происхожденіе двухъ списковъ, приведенныхъ въ уставѣ. Соответствующая глава о приѣмѣ пословъ въ Уставѣ только ближе поясняетъ статью договора Игоря, и особенно слова: «якоже имъ уставлено есть», такъ какъ подробно разясняетъ вопросы о царскомъ мужѣ (магистрѣ), о приготовленіи квартиръ, о размѣщеніи пословъ и проч. ¹⁾.

Крайне важнымъ для пониманія посольскаго и мѣсячнаго содержанія является статья договора Олега, въ которой находимъ выраженія, соответствующія вышеприведеннымъ словамъ «εις λόγον αὐτῶν», употребленнымъ въ Уставѣ для опредѣленія «роги» итальянскимъ посламъ. Здѣсь сказано: «да приходятъ Русь слобное емлють, елико хотятъ, а иже придуть гостье,

1) De cerim. I, cap. 87, p. 393.

да емлютъ мѣсячину на 6 мѣсяцевъ и хлѣбъ, и вино, и мяса, и рыбы, и овощемъ, и да творять имъ мовь, елико хотять». Изъ этой статьи слѣдуетъ, что посольское жалованье получали послы и что количество «слебнаго» и «мѣсячнаго» устанавливалось по желанію пословъ и купцовъ. Нельзя не видѣть, что въ словахъ «елико хотять» на лице тотъ же смыслъ, что и въ выраженіи «по слову ихъ», т. е. «по ихъ назначенію», употребленному относительно итальянскихъ пословъ. Изъ этихъ выраженій слѣдуетъ, что количество посольскаго и мѣсячнаго жалованья не было установлено заранее, а вытекало изъ соглашенія сторонъ. Въ договорѣ Игоря эта статья редактирована менѣе уступчиво: «возьмутъ мѣсячное свое, сли слебное, а гостье мѣсячное». Я не могу согласиться съ многуважаемымъ изслѣдователемъ договоровъ Лонгиновымъ относительно того, что «мѣсячное» состояло только изъ предметовъ натурой: хлѣба, вина, мяса, рыбы, овощей и бани¹⁾. Текстъ договора Олега ясно говоритъ о посольскомъ и мѣсячномъ на шесть мѣсяцевъ, и кромѣ того еще о натурѣ: хлѣбъ, винѣ и проч., что подтверждается главой о послахъ въ Уставѣ, только что указанной²⁾. Что касается шестимѣсячнаго срока для полученія «слебнаго» и «мѣсячнаго», то онъ поясненъ договоромъ Игоря, въ которомъ сказано, что Русь не имѣетъ права оставаться въ Царьградѣ на зиму, т. е., слѣдовательно, лишается и жалованья и содержанія на зимніе мѣсяцы. Ко всему сказанному слѣдуетъ прибавить, что персидскому послу при передвиженіи его къ столицѣ полагалось 5 вередовъ денегъ и 30 муровъ. Кромѣ того на путевыя издержки восточныхъ пословъ полагались особыя суммы, списки которыхъ хранились въ «скринѣ варваровъ» (*ἐν σκρινῶ τῶν βαρβάρων*). По приѣздѣ въ Царьградъ персидскіе послы поступали на полное иждивеніе государства. Имъ отводилась квартира съ обстановкой, а въ 946 году они

1) О. с., стр. 471.

2) Всѣ предметы обстановки и стола прекрасно разъяснены въ этой главѣ.

были помѣщены въ Хризеонѣ на полномъ довольствіи и съ баней въ томъ же домѣ, или по сосѣдству. Баня оговорена и въ русскихъ договорахъ.

Такимъ образомъ, изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что по условіямъ договоровъ и русскимъ посольствамъ составлялись списки, или «*γνώσεις*», что подтверждается двумя приведенными въ Уставѣ списками смѣтъ. Что такіе списки были поименными указываютъ три имени, вошедшія въ эти смѣты: Ольга, Святославъ, Григорій. Эти списки, представляютъ, несомнѣнно одобренные императоромъ смѣты, въ основѣ которыхъ лежить общій поименный списокъ. Затѣмъ, всѣ остальные свитскіе вошли въ смѣту по рубрикамъ, а второе по рангу лице послѣ княгини Ольги вошло подъ именемъ Анепсія, или племянника ея¹⁾. Суммы, обозначенныя въ смѣтахъ были раздаваемы оба раза послѣ пира, въ видѣ царской милости, по обычаю византійскаго двора, что видѣлъ и описалъ въ это же приблизительно время Ліутпрандъ, присутствовавшій при такой раздачѣ денегъ. Для яснаго пониманія способа составленія этихъ списковъ имѣемъ важное значеніе и то, что мужчины и женщины выдѣлены въ особыя группы, что въ свою очередь связывается съ требованіями придворнаго строя, такъ какъ мужская и женская половины посольства пировали отдѣльно: Княгиня Ольга пиrowала въ обществѣ Императрицы, а ея племянникъ съ Императоромъ. Кромѣ денегъ, никакихъ предметовъ никому не было ни выдано, ни подарено, а это обстоятельство прямо указываетъ на то, что денежная выдача имѣла спеціальныи характеръ и не представляла даровъ. Правда, самой Ольгѣ 500 миліарисіевъ были поднесены на золотомъ, украшенномъ драгоценными камнями блюдецѣ, но самое блюдо представляло обычный и необходимый предметъ для поднесенія денегъ. Въ такихъ же блюдахъ были поднесены

1) Указываю пока на сочиненіе: Krug, Kritische Versuch zur Aufklärung d. Byzantinischen Chronologie, S. Pétersburg, 1810, p. 210—214, гдѣ подробно разобрана этимологія слова *ἀνέπιστος*.

по 500 миліарсіевъ двумъ саракинскимъ посламъ, и Райске многими примѣрами подтвердилъ существованіе этого обычая въ глубокой древности. Такъ еще Геродотъ, передаетъ онъ, описываетъ даръ Демокеду, состоявшій изъ золотого фіала, наполненнаго статерами. Олимпіодоръ, въ описаніи свадьбы Агилульфа съ Галлой Плацидіей, говоритъ о дарѣ золота и драгоценныхъ камней, поднесенныхъ женихомъ своей невѣстѣ. Пятнадцать юношей несли каждый по два золотыхъ сосуда, изъ которыхъ одинъ былъ наполненъ золотомъ, а другой драгоценными камнями, но такихъ случаевъ можно было бы указать множество. Повидимому, этотъ же обычай изображаетъ миниатюристъ Радзивилловской лѣтописи, давая въ руки одного изъ юношей вазу съ круглыми предметами внутри (монетами?), которую онъ несетъ въ даръ княгинѣ Ольгѣ, идя за другими, несущими сосуды (Л. 32). Указанное блюдо, такимъ образомъ, представляя обычный предметъ для поднесенія денегъ, не нарушаетъ общаго денежнаго содержанія двухъ разбираемыхъ смѣтъ и не можетъ ни въ какомъ случаѣ быть показателемъ того, что Ольга и ея свита получили дары, а не спеціальную плату, подъ видомъ царской милости.

Такая плата могла быть только посольскимъ и мѣсячнымъ жалованьемъ, какъ самой княгинѣ Ольгѣ, такъ и ея племяннику, посламъ, купцамъ и всей свитѣ. При такомъ взглядѣ на двѣ смѣты совершенно устраняется возможность видѣть во второй изъ нихъ какое-либо предумышленное униженіе посольства, выразившееся въ уменьшеніи даровъ. Такъ какъ деньги эти представляли не дары, а плату за извѣстное время помѣсячно, то совершенно ясно, что плата уменьшена сообразно съ расчетомъ времени, за которое выдана. Такъ какъ по смыслу договора княгиня Ольга съ посольствомъ не могла оставаться въ Царьградѣ на зиму, то второй приемъ надо считать послѣднимъ предъ ея отъѣздомъ. Доживши до 18 октября и оставаясь долѣе, она не только могла нарушить условія договора, но и рисковала ѣхать домой въ бурный періодъ глубокой осени по морю, осо-

бенно негостепріимному въ это время года. Поэтому, можно думать, что смѣта второй выдачи составлена за время прошедшее отъ 9 сентября по 18 октября, или даже по день отъѣзда. Отсюда самъ по себѣ вытекаетъ крайне важный выводъ, что смѣта перваго приѣма составлена за время болѣе продолжительное чѣмъ одинъ мѣсяцъ и 9 дней, а это въ свою очередь показываетъ, что Ольга значительное время прожила въ Царьградѣ, прежде чѣмъ была принята при дворѣ первый разъ. Наша лѣтопись неожиданно подтверждаетъ это обстоятельство, передавая отвѣтъ Ольги посламъ Константина, требовавшаго даровъ и войска: «аще . . . также постоиши у мене въ Почайнѣ, якоже азъ въ Суду, тогда ти дамъ». Изъ этого неудовольствія Ольги слѣдуетъ, что она долго стояла на корабляхъ въ гавани въ ожиданіи приѣма при дворѣ. Вмѣстѣ съ этимъ, числа двухъ мѣсяцевъ—9 сентября и 18 октября въ связи съ указанными соображеніями даютъ прочное основаніе усомниться въ правильности лѣтописной даты, т. е. 955 года, къ которому приурочена поѣздка княгини Ольги въ Царьградъ. Такъ какъ старыи годъ начинался съ сентября¹⁾, а изъ общаго показанія цифръ первой смѣты вытекаетъ, что Ольга получила посольское и мѣсячное содержаніе за значительный промежутокъ времени, протекшій со дня приѣзда до перваго полученія, т. е. до 9 сентября, то ясно, что годъ 955 ошибоченъ. Ограничиваясь пока этимъ простымъ указаніемъ на неправильность лѣтописной даты, долженъ сказать, что описаніе приѣмовъ княгини Ольги, внесенное въ Уставъ, даетъ еще и другія частности для правильнаго опредѣленія даты, но эти частности стоятъ въ связи съ редакціей всей 15 главы второй книги Устава, а разсмотрѣніе этого сложнаго вопроса о редакціи 15 главы, увлекло бы меня далеко за предѣлы настоящей замѣтки.

Такимъ образомъ, денежныя суммы, полученныя оба раза княгиней Ольгой и ея свитой, представляли не дары, а посоль-

1) Въ дипломатическихъ 'сношеніяхъ по индиктамъ. См. *Mas Latrie, Le trésor de chronologie*. Paris. 1889, p. 28.

ское и мѣсячное жалованье подѣ видоми царской милости, полученное оба раза согласно договору Игоря, а не дары, которые она должна была получить особо, въ отвѣтъ на привезенные ею дары. Что княгиня Ольга должна была прибыть въ Царьградъ съ дарами, о томъ свидѣтельствуется не только весь строй дипломатическихъ сношеній тогдашняго времени, но и самый Уставъ. Княгиня Ольга была принята въ великолѣпномъ залѣ Магнавры и удостоилась высшаго и наиболѣе почетнаго приѣма царемъ, который сидѣлъ на золотомъ Соломоновомъ механическомъ тронѣ. Весь церемоніаль приѣма прошелъ согласно общему обряду, который требовалъ предьявленія даровъ посла царю, т. е. такъ называемаго «*συμπλήρωσις τοῦ κομισίου*», а текстъ описанія не указываетъ въ этомъ отношеніи никакого отступленія отъ общаго обряда, заявляя, что «все произошло какъ въ предыдущемъ обрядѣ». Въ лѣтописи, правда, нѣтъ никакихъ указаній на то, что Ольга повезла съ собою дары, но въ Четыхъ Минеяхъ Димитрія Ростовскаго подѣ 11 юля паходимъ любопытное свѣдѣніе, неизвѣстно откуда почерпнутое, что Ольга «появши съ собою нѣкіе отъ російскихъ нарочитыхъ бояръ¹⁾ и дворянъ, поиде со многими имѣніемъ въ Царьградъ и пріята бысть тамо съ великою честью отъ царя и патріарха, имже и дары многи, таковыхъ лицъ достойныя принесе». . . Это свѣдѣніе тѣмъ болѣе интересно, что рядомъ съ нимъ сообщается и о великомъ пирѣ послѣ крещенія Ольги и по поводу его. Пирь, какъ извѣстно, описаны и въ текстѣ Устава.

Принесши дары императору, она не могла не получить даровъ отвѣтныхъ. Лѣтопись перечисляетъ эти дары. Это были: «злато, сребро, паволоки, сосуды различныя, и уменьшать значеніе этого показанія лѣтописи, какъ видно изъ предыдущаго, нѣтъ надлежащихъ основаній. Правда, оно можетъ быть легендарнымъ, шаблоннымъ, какъ и другія свѣдѣнія о дарахъ русскимъ

1) Ср. въ договорѣ Игоря: Князь великій и бояре его да посылають въ греки къ великимъ царемъ и т. д.

посламъ и князьямъ, но въ немъ заключается вѣрный историческій смыслъ. Оно утверждаетъ, что Ольга получила отвѣтные дары, а это показаніе лѣтописи не менѣе цѣнно, чѣмъ показаніе договора Игоря о «слебномъ и мѣсячномъ», которое она должна была получить, разъ ѣхала на основаніи этого договора, хотя бы въ Уставѣ и не сохранилось драгоценныхъ смѣтъ денежныхъ полученныхъ ея самой и ея свиты. Дары понимаются лѣтописцемъ совершенно такъ-же, какъ и другими историками болѣе ранними, говорящими о дарахъ халифамъ, Карлу Великому, о дарахъ упомянутой уже Данелиды и имъ подобныхъ, и какъ понимаетъ Уставъ, называя ихъ ξένια, δῶρα.

III.

О нѣкоторыхъ серіяхъ миниатюръ Радзивилловской лѣтописи.

Академикъ Н. П. Кондаковъ въ своей «Замѣткѣ о миниатюрахъ Кенигсбергскаго списка» лѣтописи высказалъ убѣжденіе, которое и подтвердилъ рядомъ наблюдений, что списокъ Радзивилловской лѣтописи представляетъ копію съ древняго лицеваго списка лѣтописи, который относился, быть можетъ, къ первой половинѣ XIV, или даже къ концу XIII столѣтія, и могъ быть суздальскаго происхожденія ¹⁾. Академикъ А. А. Шахматовъ съ своей стороны пришелъ къ аналогичному выводу, такъ какъ путемъ анализа состава Радзивилловской лѣтописи, указалъ, что она восходитъ къ одному изъ значительнѣйшихъ историческихъ памятниковъ первой четверти XIII вѣка—къ иллюстрированному лѣтописному своду, составленному для Ярослава Всеволодовича, князя Переяслава Суздальскаго. Въ то-же время А. А. Шахматовъ на основаніи крайне тонко и точно проведеннаго анализа текста Радзивилловской лѣтописи, пришелъ къ заключенію о не-

1) Радзивилловская или Кенигсбергская лѣтопись. II, стр. 715.

исправности того оригинала, который служилъ основой для нея: «Оригиналъ Радзивилловскаго списка», говоритъ онъ, «не-былъ вполне исправенъ, въ немъ недоставало, напримѣръ, нѣсколькихъ листовъ, а въ концѣ его листы были перепутаны» . . .

. . . «Вмѣстѣ съ тѣмъ мы приходимъ къ выводу, что Радзивилловскій списокъ представляетъ изъ себя копию съ иллюстрированнаго уже оригинала, такъ какъ указанные выше пропуски, повторенія и перестановки понятны только при допущеніи, что составитель Радзивилловскаго списка имѣлъ предъ глазами не только текстъ, но и рисунки, которые ему пришлось скопировать» (стр. 30). Какъ на поразительный примѣръ порчи оригинала онъ указалъ на мѣсто рукописи подъ 859 годомъ (6367 г.). «Козаре данъ имаху по бѣлѣ и девици отъ дыма», вмѣсто «вѣверици» Лаврентьевской лѣтописи. Миниатюра къ этому мѣсту представляетъ данника съ бѣличьей шкуркой и нѣсколькими дѣвцами, стоящаго предъ повелителемъ. Такой примѣръ, дѣйствительно, является наиболѣе убѣдительнымъ ¹⁾.

Мнѣ кажется, что только идя по стопамъ Н. П. Кондакова и А. А. Шахматова можно будетъ установить истинное значеніе всего, крайне сложнаго матеріала, представляемаго миниатюрами Радзивилловскаго списка лѣтописи. Эти пути опредѣляются въ двухъ направленіяхъ: первый, указанный Н. П. Кондаковымъ, состоитъ въ историко-сравнительномъ изученіи миниатюръ, второй въ опредѣленіи ихъ состава и соответствія тексту Радзивилловской лѣтописи.

Въ этихъ двухъ направленіяхъ штудій лежатъ, какъ мнѣ кажется, возможность новаго освѣщенія матеріала, заключающагося въ миниатюрахъ.

Въ самомъ дѣлѣ, врядъ-ли можно сомнѣваться въ томъ, что, напримѣръ, житіе Бориса и Глѣба по композиціи рисунковъ стоитъ въ ближайшей связи съ миниатюрами Сильвестровскаго Сборника Московской Синодальной Библ., XIV вѣка, и представ-

1) *Ibid.* стр. 30 и 103.

лаетъ лишь немногія отклоненія отъ послѣдняго памятника, зависящія, повидимому, отъ краткаго лѣтописнаго повѣствованія. Такъ напримѣръ, похороны Владиміра, приходъ убійць съ шапкой Бориса къ Святополку, представляютъ крайне важныя данныя для доказательства того, что эти миниатюры вошли въ текстъ Радзивилловской лѣтописи изъ болѣе ранняго источника, дошедшаго до насъ въ оригиналѣ XIV столѣтія Сильвестровскаго Сборника, миниатюры котораго, въ свою очередь, восходятъ къ какому-то, еще болѣе раннему прототипу, въ которомъ наблюдались черты теперь утеряннаго и неизвѣстнаго житія Бориса и Глѣба особой редакціи. Такъ какъ всѣ данныя по изученію тѣхъ и другихъ миниатюръ изложены мною въ отдѣльной статьѣ, то указывая на историческое преемство ихъ въ изводѣ лѣтописи болѣе поздняго времени, я хочу отмѣтить тотъ важный фактъ, что циклъ миниатюръ Радзивилловской лѣтописи и ея источника, послужившаго копіей для нея, повидимому, былъ составной, такъ какъ Сильвестровскій Сборникъ позволяетъ выдѣлить изъ этого состава миниатюры житія Бориса и Глѣба, какъ самостоятельнаго источника. Дѣйствительно, исторія иллюстрированной хроники или лѣтописи, будетъ-ли это Пентатевхъ и Октатевхъ, вновь открытая александрійская міровая хроника VI вѣка (позднѣе 412 года) Барбара ¹⁾, или лѣтописи Манасія и Скилицы Куропалата, показываетъ, что составъ ея крайне сложенъ и слагается изъ различныхъ самостоятельныхъ отдѣловъ рисунковъ, заимствованныхъ изъ различныхъ источниковъ. Радзивилловскій списокъ занимаетъ свое мѣсто въ ряду подобныхъ хроникъ и лѣтописей, какъ по своему содержанію, такъ и по происхожденію своихъ миниатюръ. Эта исторія иллюстрацій хроникъ вообще позволяетъ выдѣлить и другіе источники нашей лѣтописи.

Дѣйствительно, хотя до насъ не дошли отдѣльныя иллюстри-

1) *Adolf Bauer* u. *Joseph Strzygowski*, Eine Alexandrinische Weltchronik. Text u. Miniaturen eines griechischen Papyrus der Sammlung W. Goleniscev, Wien 1905. См. мою рецензію въ *Виз. Врем.*, Т. XII, стр. 6.

рованныя житія св. Ольги, Владиміра, составленныя наподобіе житія свв. Бориса и Глѣба, однако, Радзивилловская лѣтопись доказываетъ ихъ существованіе.

Множество миниатюръ, иллюстрирующихъ дѣятельность св. Ольги, Святослава, Владиміра, отличаются, во-первыхъ, такимъ архаизмомъ формъ и композиціи, который не повторяется уже во второй части рукописи. Что эти миниатюры не могли быть составлены рисовальщикомъ Радзивилловской рукописи доказываетъ какъ типическими архаизмами, такъ и крайней близостью къ византійской миниатюрѣ XII—XIII столѣтія, равно какъ сохраненіемъ деталей, неизвѣстныхъ въ живописи XV—XVI столѣтій. Среди этихъ миниатюръ нѣтъ ни одной съ ясными слѣдами нѣмецкой живописи и гравюры, столь обильными въ послѣдующихъ миниатюрахъ. Зданія, фигуры, одежды и другія частности (о которыхъ—ниже), все носитъ отпечатокъ архаической византійской живописи. И вотъ, что крайне важно отмѣтить, этотъ рядъ миниатюръ внезапно прерывается, и, затѣмъ, черезъ нѣсколько листовъ вновь продолжается въ томъ же видѣ и стилѣ. Изучая страницы лѣтописи, на которыхъ вообще отсутствуютъ иллюстрація, можно видѣть, что мѣста, лишеныя рисунковъ въ первой части рукописи, представляютъ тексты договоровъ, затѣмъ рѣчь философа къ Владиміру.

Отсутствіе рисунковъ на этихъ страницахъ объясняется тѣмъ, что рисовальщикъ держится историческаго приѣма и иллюстрируетъ только дѣянія, описанныя въ лѣтописи. Иное значеніе, повидимому, имѣетъ отсутствіе рисунковъ на 8 страницахъ (листы 63—66), гдѣ разсказывается о семи вселенскихъ соборахъ, а затѣмъ на четырехъ изъ этихъ страницъ (65—68) о постановкѣ Владиміромъ церкви въ Корсуни о возвращеніи съ иконами, сосудами и царицею Анною въ Кіевъ, о ниспроверженіи идоловъ и, наконецъ, крещеніи кіевлянъ. Само собою разумѣется, что символъ вѣры и предписаніе вѣрить положеніямъ 7 вселенскихъ соборовъ, лишеныя рисунковъ по той причинѣ, что, не заключая дѣяній, они являлись для рисовальщика такими-же

вставками, какъ ранѣ упомянутые договоры и рѣчь философа. Но, крайне страннымъ является отсутствіе рисунковъ въ качествѣ подстрочной иллюстраціи къ такимъ рассказамъ лѣтописи, какъ крещеніе Владиміромъ народа, разрушеніе идоловъ и построеніе церквей. Это отсутствіе кажется тѣмъ болѣе страннымъ, что рисовальщикъ очень плодovitъ на рисунки, и иллюстрируетъ иной разъ такія частности лѣтописнаго рассказа, которыя по своему содержанію не могутъ стать рядомъ съ указанными дѣяніями. Такъ онъ иллюстрируетъ построеніе Новгорода—миніатюра безразличная, какъ обры ѣздятъ на женахъ, какъ жены Гялиномъ строятъ городъ и орютъ, какъ древляне сходятся на игрища, играютъ и пляшутъ. Призваніе варяговъ, походы на Царьградъ, омовеніе Влахернской ризы, сверженіе Аскольда и Дира и проч. иллюстрированы очень подробно, такъ что на каждой страницѣ, почти какъ норма, встрѣчается по два рисунка. Такая подробность и многочисленность иллюстрацій тянется и черезъ послѣдующіе листы, на которыхъ рассказывается о походахъ Олега, Игоря, Ольги, Святослава; такъ же подробно иллюстрировано начало житія Владиміра, постановка имъ идоловъ, его походы, мученичество варяговъ Ѳедора и Іоанна, походъ на болгаръ, приходъ разныхъ пословъ съ предложеніемъ вѣръ, походъ на Корсунь, всѣ перипетіи обстоянія и взятія этого города, отплытіе царицы Анны въ Корсунь, пересылка грамотъ, наконецъ, крещеніе самого Владиміра въ Корсуніи и его дружины, изображенное каждое на отдѣльной миніатюрѣ. Послѣдняя миніатюра на слова: «се же видѣвши дружина его мнози крестишася» прерываетъ собою рядъ иллюстрацій, и продолженіе рисунковъ къ событіямъ изъ жизни Владиміра находится уже на листѣ 67, гдѣ Владиміръ изображенъ сидящимъ на конѣ впереди своей варяжской конной дружины и преслѣдующимъ печенѣговъ. Этотъ перерывъ и отсутствіе рисунковъ къ упомянутымъ выше событіямъ не могутъ быть объяснены иначе, какъ потерю ихъ уже въ томъ оригиналѣ, съ котораго скопированы остальные указанные рисунки.

Полнота и мелочность иллюстрацій дѣлають совершенно невозможнымъ предположеніе, что писецъ по разсѣянности забылъ внести нѣкоторыя важнѣйшія изъ иллюстрацій въ текстъ, тѣмъ болѣе, что онъ въ немъ не оставляетъ свободныхъ мѣстъ для миниатюръ и даетъ сплошной текстъ, а это въ свою очередь доказываетъ, что онъ не видѣлъ въ своемъ оригиналѣ цѣлаго ряда миниатюръ.

Правда, во всей области древне-русской миниатюры совершенно неизвѣстно изображенія Крещенія Руси Владиміромъ, и, страннымъ образомъ, это изображеніе, на первый взглядъ, столь естественное въ иллюстрированной лѣтописи, отсутствуетъ и въ Радзивилловскомъ спискѣ. Между тѣмъ Крещеніе Руси извѣстно въ миниатюрѣ переводной съ греческаго «болгарской лѣтописи Манасія, и, именно, крещеніе кіевлянъ, такъ какъ на этой миниатюрѣ изображена слѣва гора съ сидящей поверхъ нея фигуркой—персонификаціей рѣки, опирающейся на урну, изъ которой изливается рѣка. Въ рѣкѣ стоитъ крещаемый. Епископъ креститъ его, знатные люди стоятъ справа, а съ горы къ рѣкѣ спускаются фигуры народа, протягивающія руки къ епископу¹⁾. Предположить, что подобной композиціи крещенія не существовало въ русскомъ древнемъ искусствѣ невозможно уже потому, что Руссы, на которыхъ сходитъ св. Духъ, въ числѣ другихъ народовъ міра, изображены въ куполѣ церкви св. Марка въ Венеціи²⁾, крещеніе Руссовъ въ Царьградѣ и чудо съ книгой изображены въ мадридской рукописи Скилицы³⁾, а несомнѣнныя указанія на извѣстность событія крещенія Руси въ тогдашнемъ мірѣ, яля «orbis terrarum», слѣдуетъ, какъ изъ извѣстій арабскихъ и греческихъ писателей, такъ и изъ нашихъ лѣтописей. Слово о Полку Игоревѣ говоритъ о славѣ Святослава, донесшейся до «венедицевъ» и воспѣтой ими, и о славѣ Игоря, кото-

1) В. Щепкинъ, Отчетъ о заграничн. командировкѣ, см. таблицу.

2) La basilika di S. Marco, ed. Ongania, tav. chromolit. XI.

3) Н. Кондаковъ, Русскіе клады, стр. 212.

рую они «каютъ». Этотъ фактъ нельзя не сопоставить съ появленіемъ фигуръ руссовъ въ мозаикахъ церкви св. Марка, показывающимъ давнее знакомство венеціанцевъ съ Русью и съ самымъ фактомъ схождения на нихъ Духа Святаго.

Съ другой стороны невозможно предположить, чтобы изображеніе разрушенія идоловъ было опущено рисовальщикомъ изъ чувства религіознаго отвращенія къ идолству, тѣмъ болѣе, что онъ вообще очень охотно изображаетъ идоловъ, бѣсовъ и чертей и даетъ нѣсколько важныхъ типовъ русской демонологіи. Такое предположеніе особенно опровергается тѣмъ, что на листѣ 45 рисовальщикъ изобразилъ постановку идоловъ Владиміромъ на холмѣ. Онъ изобразилъ самый холмъ, стоящаго на немъ Перуна въ видѣ обнаженнаго челоуѣкоподобнаго идола со щитомъ, копьемъ (?) и двухъ другихъ боговъ въ видѣ антропоморфическихъ существъ съ птичьими, однако, ногами и крыльями. Постановка идоловъ предполагаетъ и ихъ разрушеніе, равно какъ и связанныхъ съ этими дѣйствіями Владиміра другихъ его предпріятій, т. е. построенія церкви въ Корсуни и возвращенія въ Кіевъ съ царицей Анной и съ иконами. Отсутствіе этихъ изображеній, столь свойственныхъ вообще подробной, даже мелочной иллюстраціи всей рукописи, показываетъ ихъ отсутствіе въ первоначальномъ изводѣ. Указанное ранѣе пристрастіе рисовальщика къ изображеніямъ постройки городовъ Новгорода, Бѣлгорода (67 обор.), и церквей, напр. Десятинной, а затѣмъ подробности внесенныя въ его рисунки, каковы дары, чаши, куны, обручи, и т. п. заставляютъ думать, что возвращеніе Владиміра съ добромъ захваченнымъ въ Корсуни, построеніе корсунской церкви, прямо входила въ область задачи рисовальщика, и если мы не находимъ соотвѣтственныхъ рисунковъ, то должны предположить ихъ пропускъ и недостачу въ оригиналѣ, послужившемъ источникомъ для рисовальщика. Такимъ образомъ, къ тѣмъ неисправностямъ оригинала, на которыя указалъ академикъ А. А. Шахматовъ, можно прибавить также отсутствіе рисунковъ къ указанному тексту Житія Владиміра. Я говорю, именно, Житія

Владимира, а не лѣтописнаго сказанія о его дѣлахъ, такъ какъ есть данныя, указывающія на то, что рисунки къ тексту лѣтописи заимствованы изъ иллюстрированнаго его житія. Не вдаваясь пока въ частности анализа миниатюръ, изображающихъ княженіе Владимира, укажу на слѣдующіе знаменательные факты.

Въ Радзивилловской лѣтописи смерть Владимира и положеніе его тѣла въ церкви св. Богородицы Десятиной (листы 73 и 74), представляютъ двѣ миниатюры, естественно заканчивающія серію рисунковъ, изображающихъ жизнь и дѣянія Владимира, настолько естественно, что предыдущія двѣ миниатюры представляютъ, слѣдя за текстомъ, его готовность идти противъ сына Ярослава (л. 72), затѣмъ отосланіе Бориса противъ печенѣговъ, наконецъ, смерть Владимира и его положеніе въ Десятиной церкви. Эти четыре рисунка представляютъ прямое продолженіе и окончаніе дѣятельности Владимира, и, какъ таковыя, находясь въ текстѣ лѣтописи, не вызываютъ никакихъ недоумѣній. Но вотъ, въ Сильвестровскомъ сборникѣ, къ началу «Сказанія» о Борисѣ и Глѣбѣ, даны двѣ миниатюры, совершенно самостоятельныя, представляющія древнѣйшіе прототипы двухъ миниатюръ Радзивилловской лѣтописи, изображающія отосланіе Бориса противъ Печенѣговъ и опрятаніе тѣла Владимира. Эти двѣ миниатюры, совершенно естественно заканчивающія серію дѣяній Владимира по лѣтописи, являются въ началѣ «Сказанія» какъ отрывокъ изъ цѣлой эпопеи, въ качествѣ иллюстрацій къ жизнеописанію Бориса и Глѣба.

Такъ какъ Сильвестровскій сборникъ восходитъ къ XIV столѣтію и значительно древнѣе Радзивилловской лѣтописи, то первое слѣдствіе, вытекающее изъ повторенія двухъ указанныхъ миниатюръ въ обѣихъ рукописяхъ, будетъ состоять въ томъ, что обѣ пользуются болѣе древнимъ оригиналомъ, чѣмъ Сильвестровскій сборникъ. Изъ того же обстоятельства, что Сильвестровскій сборникъ даетъ двѣ миниатюры, заканчивающія жизнь Владимира въ Радзивилловской лѣтописи, слѣдуетъ, что иллюстраціи къ жизни Владимира явились ранѣе XIV столѣтія, хотя дошли до

насть въ сравнительно очень позднихъ копiяхъ Радзивилловской лѣтописи, при чемъ, только два рисунка этого житiя дошли до насъ въ болѣе ранней рукописи Сильвестровскаго сборника.

Доказательствомъ того, что иллюстрацiи къ житiю Владимира явились уже въ прототипѣ Радзивилловской лѣтописи, и что они древнѣе XIV столѣтiя, могутъ служить черты архаизмовъ въ самыхъ миниатюрахъ, свойственныхъ вообще начальнымъ миниатюрамъ этой лѣтописи, но прежде чѣмъ указать на важнѣйшiе изъ нихъ, слѣдуетъ остановиться на одной крайне важной миниатюрѣ Сильвестровскаго сборника, до сихъ поръ никѣмъ по существу не затронутой и не объясненной.

Дѣло въ томъ, что вслѣдъ за двумя миниатюрами Сильвестровскаго Сборника, на которыхъ изображено отосланiе Бориса на печенѣговъ и опрятанiе тѣла Владимира, идетъ миниатюра, представляющая свв. Бориса и Глѣба, стоящихъ въ молитвенномъ положенiи предъ Иисусомъ Христомъ, изображеннымъ сверху по грудь, внутри полукруга или облака, и подающимъ мученическiе вѣнцы¹⁾. Вслѣдъ за этой миниатюрой идетъ уже сплошная иллюстрацiя мученичества Бориса и Глѣба въ исторической послѣдовательности. Такимъ образомъ, порядокъ рисунковъ, который въ этой рукописи слѣдуетъ нормально за текстомъ, перебитъ, и портреты или икона свв. Бориса и Глѣба, получающихъ мученическiе вѣнцы, является, какъ бы не на своемъ мѣстѣ, какъ бы лишней, нарушающей порядокъ исторической послѣдовательности остальныхъ миниатюръ. Однако, исторiя византийской миниатюры, и въ особенности, исторiя византийской иллюстрированной книги, требуетъ установить опредѣленный взглядъ на миниатюру съ изображенiемъ св. Бориса и Глѣба, получающихъ мученическiе вѣнцы.

Уже въ блестящую эпоху Птолемеевъ является книга съ однимъ или нѣсколькими выходными листами, съ рисунками,

1) И. И. Срезневскiй, Сказанiя о свв. Борисѣ и Глѣбѣ, Спб. 1860, стр. 58 слав. текста и хромофотографированный рисунокъ передъ этой страницей.

предваряющими внутреннюю иллюстрацію. Уже Сенека видѣлъ книги, украшенныя наподобіе стѣнъ дома, съ портретами авторовъ вначалѣ книгъ. Иоаннъ Златоустъ видѣлъ книги, на которыхъ вверху находилось царское изображеніе, а внизу изображенія побѣдъ и трофеевъ: «γέγραπται ἀνωθεν μὲν εἰκὼν ἡ βασιλική, κάτωθεν δὲ ἐπιγέγραπται ἡ νίκη, τὰ τρόπαια» κтл. ¹⁾. Подобныя указанія даютъ возможность видѣть, что выходныя листы представляли собою два рода рисунковъ: 1) изображенія авторовъ и 2) изображенія лицъ, которымъ посвящена книга. Эти два рода рисунковъ на выходныхъ листахъ прослѣживаются во всей исторіи византійской иллюстрированной книги. Такъ на одномъ изъ выходныхъ листовъ рукописи Діоскорида Вѣнской Библ. находится изображеніе принцессы Юліаны, владѣтельницы этой рукописи, подобно тому, какъ позднѣе, на выходномъ листѣ Изборника Святослава 1073 года, находится изображеніе этого князя съ семействомъ. На другомъ листѣ упомянутой рукописи Діоскорида, находится изображеніе самого Діоскорида, подобно тому, какъ предъ каждымъ Евангеліемъ болѣе поздняго времени, начиная уже съ извѣстнаго Евангелія монаха Равулы 586 года, выходной листъ бываетъ занятъ изображеніемъ пишущаго на свиткѣ Евангелиста. На третьемъ выходномъ листѣ рукописи Діоскорида находится опять изображеніе Діоскорида со стоящей передъ нимъ аллегорической фигурой изобрѣтенія (*ἐύρησις*), подобно тому, какъ къ рукописи Арата, представляющей астрономическій трактатъ, приложено изображеніе самого Арата со стоящей передъ нимъ Уралией. Къ пергаменному списку поэмы Виргилія (VI в.) Ватик. Библ. приложенъ его портретъ, представляющій его въ видѣ поэта или ученаго, сидящаго на креслѣ, по сторонамъ котораго стоятъ «писцы» или ящики со свитками ²⁾.

1) Patr. gr. T. 51—52, p. 70.

2) Д. Айналовъ, Эллинистическія основы византійскаго искусства стр. 36—38, сл., 47 сл. 50, о рукописи Арата *ibid.* 76. Кодексъ Виргилія см. Кондаковъ, о. с. 34 сл. и 37 сл.

Изображенія Бориса и Глѣба въ Сказаніи объ ихъ мученической кончинѣ являются, такимъ образомъ, вполне естественными и традиціонными, такъ же, какъ и въ византійскихъ иллюстрированныхъ рукописяхъ, и только особый типъ этой миниатюры требуетъ нѣкоторыхъ поясненій. Та-же византійская книга даетъ намъ множество примѣровъ украшеній житій мучениковъ выходной миниатюрой, представляющей самого мученика, иногда съ воздѣтыми въ верхъ руками. Н. П. Кондаковъ указалъ значительное количество такихъ изображеній въ рукописяхъ рѣчей Григорія Назіанзена разныхъ библиотекъ Европы и особенно въ рукописи № 510 Пар. Нац. Библ., въ которой встрѣчаются всѣ указанныя выше разновидности выходныхъ изображеній ²⁾. Такимъ образомъ, указанная выше миниатюра Сильвестровскаго сборника съ изображеніемъ свв. Бориса и Глѣба по своему замыслу и содержанію является выходной къ Сказанію о свв. Борисѣ и Глѣбѣ, но попавшей, какъ можетъ казаться на первый взглядъ, не на свое мѣсто, не къ началу Сказанія, а минуя двѣ миниатюры, представляющія *отосланіе Бориса противъ печенѣговъ и опрятаніе Владиміра*. Вслѣдъ за этой выходной миниатюрой изображенъ уже самый походъ Бориса на печенѣговъ, затѣмъ молитва его въ шатрѣ и проч. по порядку. Если отбросить двѣ первыя миниатюры Сказанія, предворяющія выходную миниатюру съ изображеніемъ Бориса и Глѣба, то получится нормальное иллюстрированное житіе съ обычной выходной миниатюрой, посвященной святымъ, о жизни и мученіяхъ которыхъ рассказывается въ текстѣ. Можно, такимъ образомъ, думать, что выходная миниатюра стоитъ на своемъ обычномъ мѣстѣ, но что двѣ первыя миниатюры внесены рисовальщикомъ къ началу Сказанія изъ другого источника. Этотъ источникъ донесенъ до насъ, повидимому Радзивилловской, лѣтописью, въ которой находится на лицо подробная иллюстрація Житія Владиміра, заканчиваю-

1) Н. П. Кондаковъ, о. с. см. по указателю стр. 275; также стр. 173—5 сл., гдѣ описанъ кодексъ № 510 Пар. Н. Библ.

щаяся тѣми двумя миниатюрами, которыми начинается Сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ, съ присоединеніемъ третьей, представляющей положеніе тѣла св. Владиміра въ Десятинной церкви. Эта послѣдняя миниатюра въ свою очередь крайне важна. Она естественно заканчиваетъ собою лѣтописное житіе Владиміра и выходитъ за предѣлы «Сказанія», такъ какъ св. Борисъ слышитъ только отъ вѣстника о смерти отца и о положеніи его въ Десятинной церкви. Въ «Чтеніи же о житіи и о погубленіи блаженную страстотерпцю» объ этомъ послѣднемъ фактѣ вовсе не сообщается. Тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что послѣдующіе копісты «Сказанія» нашли, повидимому, выходную миниатюру также нарушающей порядокъ миниатюръ и въ любопытномъ новонайденномъ спискѣ «Сказанія» конца XV вѣка, изданномъ Н. П. Лихачевымъ, выходная миниатюра совершенно опущена, а отосланіе Бориса на печенѣговъ, начинается собою сказаніе, при чемъ вмѣсто похода на печенѣговъ изображено возвращеніе съ похода и встрѣча съ вѣстникомъ, на слова котораго и представлено опрятаніе тѣла Владиміра и положеніе его въ Десятинной церкви въ одной и той-же миниатюрѣ ¹⁾. Рукопись, изданная Н. П. Лихачевымъ, такимъ образомъ, уже переработала недоразумѣнія протооригинала, между тѣмъ какъ Сильвестровскій Сборникъ представляетъ въ первоначальномъ видѣ элементы двухъ житій соединенными механически, на что главнымъ образомъ указываетъ порядокъ иллюстрацій къ житію и дѣятельности Владиміра въ Радзивилловской лѣтописи. Слѣдуетъ признать, что какъ Сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ, такъ и Радзивилловская лѣтопись копируютъ иллюстраціи къ житію св. Владиміра, но первая рукопись даетъ только двѣ предпослѣднія миниатюры того полнаго извода, который дошелъ до насъ во второй. Отсюда прямое слѣдствіе, что это житіе св. Владиміра древнѣе Сильвестровскаго

1) Н. П. Лихачевъ, Лицевое житіе святыхъ благовѣрныхъ князей русскихъ Бориса и Глѣба. По рукописи конца XV вѣка. Спб. 1907, стр. 5 рукописи.

Сборника, т. е. древнѣе XIV столѣтія и, что оно, какъ самостоятельный источникъ вошло въ составъ иллюстрацій Радзивилловской лѣтописи.

Объ этомъ-же свидѣлствуютъ и архаизмы миниатюръ, замѣчаемыя какъ въ первой части Радзивилловской лѣтописи, такъ спеціально въ указанныхъ рисункахъ, иллюстрирующихъ жизнь и дѣятельность Владиміра. Явственная модернизация рисунковъ начинается съ 96 листа, гдѣ находится изображеніе «катепана», одѣтаго въ костюмъ нѣмецкаго покроя и сидящаго у готическаго сооруженія съ башенками. Затѣмъ на листѣ 97 (оборотъ) изображенъ турокъ въ чалмѣ, и волхвъ въ видѣ католическаго патера.

Въ общемъ-же композиція и въ этихъ рисункахъ долго остается архаически византийской. Однако, наибольшей строгостью рисунка отличается первая часть рукописи до указанного 96 листа, гдѣ приходится имѣть дѣло почти съ чистымъ стилемъ византийской миниатюрной живописи эпохи упадка съ XII на XIII столѣтіе, т. е. той грубой и дѣтски натуралистичной манерой, которая особенно извѣстна въ хроникахъ этого времени, напримѣръ, въ мадридской лѣтописи Скилицы, или же въ Болгарской хроникѣ Манасіи. Эта грубость пергаменныхъ рукописей все-же далеко превзойдена рисунками бумажной рукописи Радзивилловской лѣтописи, для которыхъ примѣнена прозрачная акварельная раскраска, а не густая и непрозрачная живопись клеевыми красками пергаменной техники. Последнюю въ прекрасныхъ формахъ можно видѣть еще въ примѣненіи къ исполненію рисунковъ пергаменнаго Сильвестровскаго сборника, о чемъ будетъ сказано въ особой статьѣ. Такимъ образомъ, архаизмы рисунковъ Радзивилловской лѣтописи, появляясь въ столь огрубѣвшей и по существу мало-художественной средѣ, приобретаютъ тѣмъ болѣе ясный и рѣзкій видъ, и если Печерская церковь на листѣ 92 вмѣсто луковичнаго имѣетъ полукруглый или циркулярный куполь, то эта особенность ясно показываетъ передачу древняго типическаго оригинала. Равнымъ образомъ, въ изображеніи бочковыхъ покрытій, столь свойственныхъ фан-

тастическимъ, какъ и реальнымъ зданіямъ византійской живописи, встрѣчается обратная перспектива, а это обстоятельство, особенно рѣзко дѣйствуетъ на зрѣніе наблюдателя, такъ какъ рисовальщикъ, или же многіе рисовальщики этой рукописи, не только знаютъ основныя черты правильной перспективы до эпохи Дюрера и послѣ него, господствовавшей въ нѣмецкой гравюрѣ и картинѣ, но свободно и съ любовью примѣняютъ ее ¹⁾.

Типичный «градъ Кіевъ» въ видѣ башнеподобнаго города византійской живописи, встрѣчаемаго въ каждой иллюстрированной византійской рукописи (л. 4), раскрашенные пилоны съ дверью и окнами (л. 13), зданіе въ видѣ длинной галлерей или портика съ рядомъ пролетовъ (л. 19) указываютъ на воспитаніе въ духѣ чистаго византійскаго стиля той руки, которая изобрѣла первые русскіе рисунки для иллюстраціи жизни первыхъ князей. Крещеніе св. Владиміра и его дружины даютъ наиболѣе чистые примѣры примѣненія византійскихъ готовыхъ шаблонныхъ композицій для нуждъ русской миниатюры. Владиміръ сидитъ внутри большой купели, надъ которой возвышается киворій въ обратной перспективѣ (л. 62 обор.). По сторонамъ дружина и духовенство—симметричныя группы, а за ними высокія зданія. Дружина Владиміра принимаетъ крещеніе въ такой же купели, при чемъ рисовальщикъ помѣстилъ внутрь ея трехъ человекъ. Особенно примѣчательны въ этой миниатюрѣ неправильныя, въ обратной перспективѣ нарисованныя зданія, окна ихъ и двери, что и даетъ отпечатокъ крайняго архаизма всей миниатюрѣ. Одного взгляда на мозаику церкви св. Марка съ изображеніемъ крещенія народовъ достаточно, чтобы видѣть, что обычная форма композиціи крещенія въ купели, ставшая шаблонной для всяческаго крещенія, примѣнена русскимъ рисовальщикомъ въ

1) См. листъ 7 обор.; особенно листъ 13 съ обратной перспективой и листы 177, 119, гдѣ также луковичные купола, 194, 195, 199 обор. съ изображеніемъ осмиграннаго верха въ правильной перспективѣ и особенно л. 234, гдѣ верхняя миниатюра копируетъ слѣва перспективно уходящую стѣну, а справа нѣмецкое зданіе.

своемъ чистомъ видѣ для крещенія Владиміра и его дружины. Правда, эти черты русской живописи остаются въ ней навсегда, и часто крайне архаическія формы поражаютъ взглядъ въ иконахъ XV и XVI вѣка, но въ данномъ случаѣ важно то, что эти формы являются въ неприкосновенной сохранности среди новшествъ, столь характерныхъ для Радзивилловской лѣтописи, а это указываетъ на прямое копированіе стараго оригинала.

Не иначе надо смотрѣть и на такія особенности миниатюръ разсматриваемой серіи, какъ изображеніе рубахъ съ разрѣзными полами, тонкихъ полосокъ знаменъ, встрѣчаемыхъ не только въ Радзивилловской рукописи, но и Сильвестровскомъ Сборникѣ, въ хроникахъ Скилицы и Манасіи, о которыхъ подробно будетъ сказано въ изслѣдованіи о миниатюрахъ Сильвестровскаго Сборника. Изображеніе кунтъ, сосудовъ, полного варяжскаго или вообще воинскаго костюма съ треугольными щитами, шоломомъ, броней, мечемъ, копьемъ, наконецъ, княжескія шапки съ краснымъ верхомъ, низкіе сапоги, иногда краснаго цвѣта («червленъ сапогъ на боярстѣмъ дворѣ» у Данила Заточника) и красные плащи—все это создаетъ ту специфическую среду древняго быта, которую съ особенной ясностью можно наблюдать въ миниатюрахъ Сильвестровскаго сборника, хотя и не въ такомъ сложномъ составѣ. Иногда этотъ древній бытъ сказывается въ чертахъ, мало обращающихъ на себя вниманіе, но тѣмъ болѣе поучительныхъ. Такъ на миниатюрѣ, представляющей оплакиваніе св. Ольгой (л. 29) Игоря на могилѣ его, вмѣсто холма, о которомъ говорится въ лѣтописи при разсказѣ о убіеніи Игоря Древлянами («я погребенъ бысть Игорьъ, и есть могила его у Искоростеня града въ деревѣхъ и до сего дне») изображенъ «гробъ» на слова текста лѣтописи, что Ольга пришла «ко гробу его», съ фигурой Ольги поверхъ этого гроба, оплакивающей Игоря.

Этотъ гробъ по формѣ тотъ-же, что и рака Бориса и Глѣба въ Сильвестровскомъ сборникѣ и представляетъ прямоугольный каменный ящикъ, восходящій къ шпифернымъ и каменнымъ гро-

бамъ, найденнымъ въ Десятинной церкви, въ Борисоглѣбскомъ Черниговскомъ Соборѣ, о примѣненіи которыхъ для погребеній и даже о техникѣ изготовленія которыхъ, говорятъ лѣтописи и другіе древніе источники («дондеже камень сровняша и тако вложиши тѣло его въ гробъ»), вообще «гробъ камень». Прямоугольная форма его особенно примѣчательна. Рядомъ съ этой формой каменнаго гроба можно указать и на изображеніе кораблей съ птичьими носами на миниатюрѣ, представляющей приближеніе Олега къ Царьграду на корабляхъ, поставленныхъ на колеса. Врядъ-ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что эти корабли имѣютъ отношеніе къ варяжскому кораблю, а затѣмъ къ кораблю, «Соколу», о которомъ поется въ былинѣ о Соловьѣ Будиміровичѣ. Двѣ частности, извлекаемыя изъ этой былины совпадаютъ очень явственно съ чертами двухъ миниатюръ Радзивилловской лѣтописи. Корабль Соловья Будиміровича назывался соколомъ, а на миниатюрѣ изображены корабли съ птичьими головами въ носовой части, при чемъ клювы и опереніе подбородка и шеи, повидимому, указываютъ на хищную птицу. Другая миниатюра съ изображеніемъ убіенія св. Бориса представляетъ носадъ съ головой звѣря на кормовой части, при чемъ у звѣря раскрыта пасть (л. 77 обор.). Эта черта можетъ отвѣчать другой особенности корабля Соловья Будиміровича:

«Носъ, корма по туриному,
Бока взведены по звѣриному».

Возможно, что и эти особенности миниатюръ Радзивилловской лѣтописи представляютъ такіе-же архаизмы, какъ напримѣръ, куны, или же дары въ видѣ сосудовъ, затѣмъ обручи, или же гривна на шеѣ угршна, слуги св. Бориса, Георгія. Такъ какъ носадъ съ головой какого-то животнаго повторенъ и на одной изъ миниатюръ Житія Бориса и Глѣба XV вѣка изданнаго Н. П. Лихачевымъ, то слѣдуетъ признать, что корабли съ головами птицъ и звѣрей восходятъ къ оригиналамъ извѣстныхъ намъ иллюстрированныхъ житій свв. Бориса и Глѣба.

Внесеніе бытовыхъ чертъ жизни въ область миниатюры, построенной на началахъ византійской живописи, представляетъ такое-же свойство русской миниатюры, которое прослѣживается вообще въ европейской миниатюрѣ XII, XIII вѣка.

Д. Айналовъ.
